

A Conan Doyle

АРТУР
КОНАН ДОЙЛ

ЕГО ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОКЛОН
—*—
АРХИВ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

*Издательство АЛЬФА-КНИГА
Москва, 2013*

УДК 821.161.1
ББК 84.(Англ.)6-5
Д62

ARTHUR CONAN DOYLE
His Last Bow
The Case-Book of Sherlock Holmes

Перевод с английского

В оформлении книги использованы
иллюстрации художника
Сидни Пэджета

Дойл, Артур Конан

Д62 Его прощальный поклон. Архив Шерлока Холмса. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 408 с.: ил. — (Собрание мировой классики).

ISBN 978-5-9922-1428-4

Сэр Артур Конан Дойл (1859—1930) — классик британской литературы, один из родоначальников детективного жанра. Автор популярных приключенческих, научно-фантастических и исторических произведений, среди которых мировое признание писателю принесла серия о сыщике Шерлоке Холмсе и его верном спутнике докторе Уотсоне.

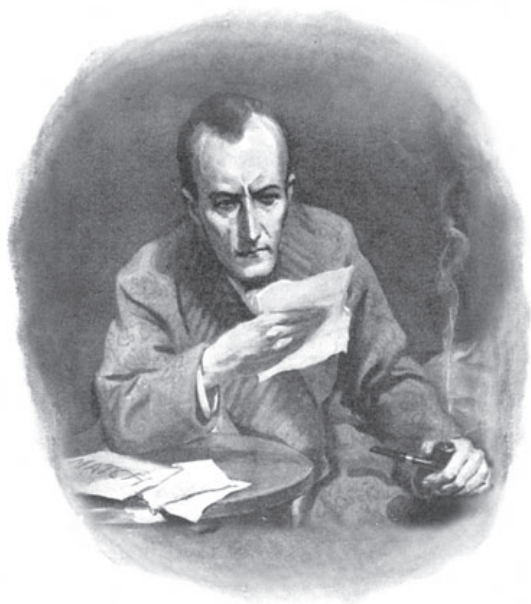
В настоящее издание вошли два сборника рассказов о знаменитом сыщике — «Его прощальный поклон» (1917 г.) и «Архив Шерлока Холмса» (1927 г.).

УДК 821.161.1
ББК 84.(Англ.)6-5

- © Н. Войтинская. Наследники, 2013
- © М. и Н. Чуковские. Наследники, 2013
- © В. Бабков, 2013
- © К. Савельев, 2013
- © Н. Емельяникова. Наследники, 2013
- © Д. Лившиц. Наследники, 2013
- © В. Штенгель. Наследники, 2013
- © Ю. Жукова, 2013
- © В. Ашкенази, 2013
- © Г. Любимова. Наследники, 2013
- © Н. Вольпин. Наследники, 2013
- © Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ISBN 978-5-9922-1428-4

ЕГО ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОКЛОН

В СИРЕНЕВОЙ СТОРОЖКЕ

1

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ С МИСТЕРОМ ДЖОНОМ СКОТТ-ЭКЛСОМ

Я читаю в своих записях, что было это в пасмурный и ветреный день в конце марта тысяча восемьсот девяносто второго года. Холмс, когда мы с ним завтракали, получил телеграмму и тут же за столом написал ответ. Он ничего не сказал, но дело, видно, не выходило у него из головы, потому что потом он стоял с задумчивым лицом у огня, куря трубку, и все поглядывал на телеграмму. Вдруг он повернулся ко мне с лукавой искрой в глазах.

— Полагаю, Уотсон, мы вправе смотреть на вас как на литератора, — сказал он. — Как бы вы определили слово «дикий»?

— Первобытный, неприрученный, затем — странный, причудливый, — предложил я.

Он покачал головой.

— Оно заключает в себе кое-что еще, — сказал он. — Скрытый намек на нечто страшное, даже трагическое. Припомните иные из тех рассказов, посредством которых вы испытываете нетерпение публики, — и вы сами увидите, как часто под диким крылось преступное. Поразмыслите над этим «делом рыжих». Поначалу оно рисовалось просто какой-то дичью, а ведь разрешилось попыткой самого дерзкого ограбления. Или эта дикая история с пятью апельсиновыми зернышками, которая раскрылась как заговор убийц. Это слово заставляет меня насторожиться.

— А оно есть в телеграмме?

Он прочитал вслух:

— «Только что со мной произошла совершенно дикая, невообразимая история. Не разрешите ли с вами посоветоваться?

Скотт-Эклс.

Чаринг-Кросс, почтайт».

— Мужчина или женщина? — спросил я.

— Мужчина, конечно. Женщина никогда бы не послала телеграммы с оплаченным ответом. Просто приехала бы.

— Вы его примете?

— Дорогой мой Уотсон, вы же знаете, как я скучаю с тех пор, как мы посадили за решетку полковника Карузерса. Мой мозг, подобно перегретому мотору, разлетается на куски, когда не подключен к работе, для которой создан. Жизнь — сплошная пошлость, газеты выхолощены, отвага и романтика как будто навсегда ушли из преступного мира. И вы еще спрашиваете, согласен ли я ознакомиться с новой задачей, хотя бы она оказалась потом самой заурядной! Но если я не ошибаюсь, наш клиент уже здесь.

На лестнице послышались размеренные шаги, и минутой позже в комнату вошел высокий, полный, седоусый и торжественно-благопристойный господин. Тяжелые черты его лица и важная осанка без слов рассказывали его биографию. Все — от гетр до золотых его очков — провозглашало, что перед вами консерватор, верный сын церкви, честный гражданин, здравомыслящий и в высшей степени приличный. Но необыденное происшествие, как видно, возмутило его природное спокойствие и напоминало о себе взъерошенной прической, горящими сердитыми щеками и всей его беспокойной, возбужденной манерой. Он немедленно приступил к делу.

— Со мной произошел очень странный и неприятный случай, мистер Холмс, — сказал он. — Никогда за всю свою жизнь я не попадал в такое положение. Такое... непристойное, оскорбительное. Я вынужден настаивать на каком-то разъяснении. — Он сердито отдувался и пыхтел.

— Садитесь, мистер Скотт-Эклс, прошу, — сказал успокаивающе Холмс. — Прежде всего позвольте спросить, почему вообще вы обратились ко мне?

— Понимаете, сэр, дело тут явно такое, что полиции оно не касается; и все же, когда вы узнаете все факты, вы, конечно, согласитесь, что я не мог оставить это так, как есть. На частных сыщиков, как на известную категорию, я смотрю неодобрительно, но тем не менее все, что я слышал о вас...

— Ясно. А во-вторых, почему вы не пришли ко мне сразу же?

— Позвольте, как вас понять?

Холмс поглядел на часы.

— Сейчас четверть третьего, — сказал он. — Ваша телеграмма была отправлена в час дня. Между тем, посмотрев на вашу одежду и на весь ваш туалет, каждый скажет, что нелады у вас начались с первой же минуты пробуждения.

Наш клиент провел рукой по своим нечесаным волосам, по небритому подбородку.

— Вы правы, мистер Холмс. Я и не подумал о своем туалете. Я рад был уже и тому, что выбрался из такого дома. А потом я бегал наводить справки и уж только после этого поехал к вам. Я обратился, знаете, в земельное агентство, и там мне сказали, что мистер Гарсия платит аккуратно и что с Сиреновой Сторожкой все в порядке.

— Позвольте, сэр! — рассмеялся Холмс. — Вы совсем как мой друг, доктор Уотсон, который усвоил себе скверную привычку вести свои рассказы не с того конца. Пожалуйста, соберитесь с мыслями и изложите мне в должной последовательности самое существо тех событий, которые погнали вас, нечесаного, в непочищенном платье, в застегнутых наискось гетрах и жилете, искать совета и помощи.

Наш клиент сокрушенно оглядел свой не совсем благопристойный туалет.

— Что и говорить, мистер Холмс, это должно производить неприятное впечатление, и я не припомню, чтобы когда-нибудь за всю мою жизнь мне случилось показываться на людях в

таким виде; но я расскажу вам по порядку всю эту нелепую историю, и, прослушав меня, вы, я уверен, согласитесь, что у меня есть достаточное оправдание.

Но его прервали, не дав даже начать рассказ. В коридоре слышался шум, и миссис Хадсон, отворив дверь, впустила к нам двух крепких, военной осанки, мужчин, одним из которых оказался наш старый знакомец инспектор Грегсон из Скотленд-Ярда, энергичный, храбрый и при некоторой ограниченности все же способный работник сыска. Он поздоровался с Холмсом за руку и представил ему своего спутника — полицейского инспектора Бэйнса из графства Суррей.

— Мы вместе идем по одному следу, мистер Холмс, и он привел нас сюда. — Он навел свой бульдожий взгляд на нашего посетителя. — Вы мистер Джон Скотт-Эклс из Попем-хауса в Ли?

— Он самый.

— Мы вас разыскиваем с раннего утра.

— И нашли вы его, конечно, по телеграмме, — сказал Холмс.

— Точно, мистер Холмс. Мы напали на след в Чаринг-Кроссе, на почтамте, и вот явились сюда.

— Но зачем вы меня разыскиваете? Что вам от меня нужно?

— Нам, мистер Скотт-Эклс, нужно получить от вас показания о событиях, которые привели этой ночью к смерти господина Алоисио Гарсии, проживавшего в Сиреновой Сторожке под Эшером.

Наш клиент с застывшим взглядом выпрямился в кресле, и вся краска сбежала с его изумленного лица.

— Умер? Он, вы говорите, умер?

— Да, сэр, он умер.

— Но отчего? Несчастный случай?

— Убийство, самое несомненное убийство.

— Боже правый! Это ужасно! Вы не хотите сказать... не хотите сказать, что подозрение падает на меня?

— В кармане убитого найдено ваше письмо, и мы таким образом узнали, что вчера вы собирались приехать к нему в гости и у него заночевать.

— Я так и сделал.

— Ага! Вы так и сделали?

Инспектор достал свой блокнот.

— Минуту, Грегсон, — вмешался Холмс. — Все, что вам нужно, — это просто снять показания, не так ли?

— И я обязан предупредить мистера Скотт-Эклса, что они могут послужить свидетельством против него же.

— Когда вы вошли сюда, мистер Эклс как раз и собирался рассказать нам об этом. Думаю, Уотсон, коньяк с содовой ему не повредит. Я предложил бы вам, сэр, не смущаться тем, что слушателей стало больше, и вести свой рассказ в точности так, как вы его вели бы, если бы вас не прервали.

Наш посетитель залпом выпил свой коньяк, и краска снова проступила на его лице. С сомнением покосившись на инспекторский блокнот, он сразу приступил к своим необычным показаниям.

— Я холост, — объявил он, — и так как человек я по натуре общительный, у меня широкий круг друзей. В числе моих друзей я могу назвать и семью одного отошедшего от дел пивовара, мистера Мелвила, проживающего в Кенсингтоне, в собственном доме. За их столом я и познакомился недели три тому назад с молодым человеком по фамилии Гарсия. Родом он был, как я понимаю, испанец и был как-то связан с посольством. Он в совершенстве владел английским языком, обладал приятными манерами и был очень хорош собой — я в жизни своей не видел более красивого мужчины.

Мы как-то сразу подружились, этот молодой человек и я. Он как будто с самого начала проникся ко мне симпатией и на второй же день после того, как мы с ним познакомились, он навестил меня в Ли. Раз навестил, другой, потом, как водится, и сам пригласил меня к себе погостить у него в Сиреновой Сторожке, что между Эшером и Оксшоттом. Вчера вечером я и отправился, следуя этому приглашению, в Эшер.

Приглашая, он расписывал мне, как у него поставлен дом. По его словам, он жил с преданным слугой, своим соотечественником, который его избавил от всех домашних забот. Этот слуга говорит по-английски и сам ведет все хозяйство. И есть у него, сказал он, удивительный повар-мулат, которого он выискал где-то в своих путешествиях и который умеет подать гостям превосходный обед. Помню, он еще заметил, что и дом его и этот штат прислуги покажутся мне необычными — не каждый день встретишь подобное в английском захолустье, и я с ним согласился, но все же они оказались куда более необычными, нежели я ожидал.

Я приехал туда — это за Эшером, мили две к югу. Дом довольно большой, стоит немного в стороне от шоссе, подъездная дорога идет полукругом через высокий вечнозеленый кустарник. «Сторожка» оказалась старым, обветшалым строением, донельзя запущенным. Когда шарабан, прокатив по заросшей травой подъездной дороге, остановился перед измызганной, в дождевых подтеках дверью, меня взяло сомнение, умно ли я поступил, приехав в гости к человеку, с которым так мало знаком. Он, однако, сам отворил мне дверь, поздоровался со мной очень радушно. Меня препоручили слуге — угрюмому, чернявому субъекту, который, подхватив мой чемодан, провел меня в мою спальню. Все в этом доме производило гнетущее впечатление. Мы обедали вдвоем, и хотя мой хозяин старался как мог занимать меня разговором, что-то, казалось, все время отвлекало его мысли, и говорил он так туманно и бессвязно, что я с трудом его понимал. Он то и дело принимался постукивать пальцами по столу, грыз ногти и выказывал другие признаки нервозности и нетерпения. Сам по себе обед приготовлен был очень неважно да и сервирован неумело, а присутствие мрачного и молчаливого слуги отнюдь не оживляло его. Смею вас уверить, мне не раз в течение вечера хотелось изобрести какой-нибудь благоприличный предлог и вернуться в Ли.

Одна вещь приходит мне на память, возможно, имеющая отношение к тому делу, по которому вы, джентльмены, ведете расследование. В то время я не придавал ей значения. К концу обеда слуга подал хозяину записку. Я обратил внимание, что, прочитав ее, хозяин стал еще более рассеян и странен, чем раньше. Он перестал даже хотя бы для видимости поддерживать разговор — только сидел, погруженный в свои мысли, и курил сигарету за сигаретой, ни слова, однако, не сказав насчет той записки. В одиннадцать я с радостью пошел к себе и лег спать. Некоторое время спустя Гарсия заглянул ко мне — у меня в это время был уже потушен свет — и, стоя в дверях, спросил, не звонил ли я. Я сказал, что нет. Он извинился, что обеспокоил меня в такое позднее время, и добавил, что уже без малого час. Я после этого сразу заснул и крепко спал до утра.

И вот тут и пойдут в моем рассказе всякие удивительные вещи. Я проснулся, когда уже давно рассвело. Смотрю на часы, оказалось без пяти девять. Я настоятельно просил разбудить меня в восемь, и такая нерадивость очень меня удивила. Я

вскочил и позвонил в звонок. Слуга не явился. Звоню еще и еще раз — никакого ответа. Тогда я решил, что звонок испорчен. Наспех оделся и в крайне дурном расположении духа сошел вниз истребовать горячей воды. Можете себе представить, как я был поражен, никого не застав на месте. Захожу в переднюю, звоню — ответа нет. Тогда я стал бегать из комнаты в комнату. Нигде никого. Накануне мой хозяин показал мне свою спальню, так что я знал, где она, и постучал к нему в дверь. Никто не отозвался. Я повернул ручку и вошел. В комнате никого, а на постели, как видно, и не спали. Он пропал со всеми вместе. Хозяин-иностранец, иностранец лакей, иностранец повар — все исчезли за ночь! На том и кончилось мое знакомство с Сиреновой Сторожкой.

Шерлок Холмс потирал руки и посмеивался, добавляя этот причудливый случай к своему подбору странных происшествий.

— С вами, как я понимаю, случилось нечто совершенно исключительное, — сказал он. — Могу я спросить вас, сэръ, как вы поступили дальше?

— Я был взбешен. Моею первой мыслью было, что со мной сыграли злую шутку. Я уложил свои вещи, захлопнул за собой дверь и отправился в Эшер с чемоданом в руке. Я зашел к «Братьям Аллен» — в главное земельное агентство по этому городку — и выяснил, что вилла снималась через их фирму. Мне подумалось, что едва ли такую сложную затею могли провести нарочно ради того, чтобы меня разыграть, и что тут, наверно, цель была другая: уклониться от арендной платы — вторая половина марта, значит, приближается срок квартального платежа. Но это предположение не оправдалось. Агент поблагодарил меня за предупредительность, сообщив, однако, что арендная плата внесена вперед. Я вернулся в Лондон и наведался в испанское посольство. Там этого человека не знали. Тогда я поехал к Мелвилу, в доме у которого я познакомился с Гарсией, но убедился, что он знает об испанце даже меньше, чем я. И вот, получив от вас ответ на свою депешу, я приезжаю к вам, так как слышал, что вы можете подать совет в затруднительном случае жизни. Но теперь, господин инспектор, из того, что вы нам сообщили, когда вошли в эту комнату, я понял, что вы можете продолжить мой рассказ и что произошла какая-то трагедия. Могу вас заверить, что каждое сказанное мною слово — правда и что сверх того, что я вам рассказал, я

ровно ничего не знаю о судьбе этого человека. У меня лишь одно желание — помочь закону чем только я могу.

— В этом я не сомневаюсь, мистер Скотт-Эклс, ничуть не сомневаюсь, — сказал инспектор Грегсон самым любезным тоном. — Должен отметить, что все, рассказанное вами, точно соответствует установленным нами фактам. Например, вы упомянули о записке, переданной за обедом. Вы случайно не заметили, что с ней произошло?

— Заметил. Гарсия скатал ее и бросил в огонь.

— Что вы на это скажете, мистер Бэйнс?

Деревенский сыщик был крепкий толстяк, чье пухлое красное лицо казалось бы и вовсе простецким, если бы не пара необыкновенно ярких глаз, прячущихся в глубокой складке между толстых щек и нависших бровей. С медлительной улыбкой он вытащил из кармана скрученный и обесцвеченный листок бумаги.

— В камине там, мистер Холмс, колосники устроены на подставках, и он промахнулся — закинул записку слишком далеко. Я выгреб ее из-за подставок даже не обгоревшую.

Холмс одобрительно улыбнулся:

— Чтобы найти этот единственный уцелевший клочок бумаги, вы должны были самым тщательным образом обыскать весь дом.

— Так и есть, мистер Холмс. Это у меня первое правило. Прочитать, мистер Грегсон?

Лондонец кивнул головой.

— Писано на обыкновенной гладкой желтоватой бумаге без водяных знаков. Четвертинка листа. Отрезано в два надреза короткими ножничками. Листок был сложен втрое и запечатан красно-фиолетовым сургучом, который накапали второпях и придавили каким-то овальным предметом. Адресовано мистру Гарсия, Сиреневая Сторожка. Текст гласит:

«Цвета — наши исконные: зеленый и белый. Зеленый — открыто, белый — закрыто. Парадная лестница, второй этаж, первый коридор, седьмая направо, зеленое сукно. Да хранит вас Бог. Д.». Почерк женский. Текст написан острым пером, адрес же — либо другим пером, либо написал кто-то другой. Здесь, как вы видите, почерк смелый и толще нажим.

— Очень интересная записка, — сказал Холмс, просмотрев ее сам. — Должен вас похвалить, мистер Бэйнс, за такое внимание к деталям. Можно добавить разве что кое-какие мелочи.

Овальный предмет — несомненно, обыкновенная запонка для манжет — что другое может иметь такую форму? Ножницы были кривые, для ногтей. Как ни коротки два надреза, вы ясно можете разглядеть на каждом один и тот же легкий изгиб.

Деревенский сыщик усмехнулся:

— Я-то думал, что выжал из нее все, что можно, — сказал он, — а вот, оказывается, кое-что оставил и другим. Признаться, записка эта мне ничего не говорит, кроме того, что там что-то затевалось и что тут, как всегда, дело в женщине.

Пока шел весь этот разговор, мистер Скотт-Эклс ерзал в своем кресле.

— Я рад, что вы нашли эту записку, потому что она подтверждает мой рассказ, — сказал он. — Но разрешите напомнить, что я еще не слышал, что же случилось с мистером Гарсией и куда исчезли все слуги.

— Насчет Гарсии, — сказал Грегсон, — ответ простой. Его сегодня утром нашли мертвым на Окшоттском Выгоне в миле от его дома. Ему размозжили голову — дубасили чем-то тяжелым вроде мешка с песком или другого подобного орудия, чем-то, что не режет, а скорей раздавливает. Место глухое, ни одного дома на четверть мили вокруг. Первый удар был нанесен, очевидно, сзади и сразу его свалил, но потом его еще долго били уже мертвого. Нападение совершено было, как видно, в страшной злобе. Следов никаких, никакого ключа к раскрытию преступников.

— Ограблен?

— Нет; и ничего, что указывало бы на попытку ограбления.

— Весьма прискорбно, прискорбно и страшно, — сказал мистер Скотт-Эклс плаксивым голосом, — и какая же это неприятность для меня! Я тут совершенно ни при чем, если мой хозяин вышел ночью на прогулку и его постигла такая печальная судьба. И почему-то я оказался замешан в эту историю!

— Очень просто, сэр, — ответил инспектор Бэйнс. — Единственным документом, какой нашли в кармане у покойника, было ваше письмо, сообщающее, что вы собираетесь к нему с ночевкой — как раз в ночь его смерти. По адресу на письме мы и узнали имя убитого и где он проживал. В десятом часу утра мы пришли в его дом и не застали ни вас, ни кого-либо другого. Я дал мистеру Грегсону телеграмму с просьбой, чтобы он разыскал вас в Лондоне, пока я проведу обследование в Сиреновой

Сторожке. Затем я поехал в город, встретился с мистером Грегсоном — и вот мы здесь.

— Нам теперь следует, — заявил Грегсон, — оформить дело по всем правилам. Вы пройдете вместе с нами в полицию, мистер Скотт-Эклс, и мы снимем с вас показания в письменном виде.

— Конечно! Пойду сейчас же. Но я не отказываюсь от ваших услуг, мистер Холмс. Я хочу дознаться до истины и прошу вас не стесняться расходами и не шадить трудов.

Мой друг повернулся к деревенскому инспектору.

— Надеюсь, вы не будете возражать против моего сотрудничества с вами, мистер Бэйнс?

— Почту за честь, сэр.

— До сих пор вы, я вижу, действовали быстро и толково. Разрешите спросить: есть ли данные, позволяющие уточнить час, когда его настигла смерть?

— Тело к часу ночи уже лежало там. С часу пошел дождь, а смерть наступила, несомненно, еще до дождя.

— Но это совершенно исключено, мистер Бэйнс! — объявил наш клиент. — Его голос нельзя спутать ни с каким другим. Я могу подтвердить под присягой, что в час ночи я лежал в постели и не кто, как Гарсия, говорил со мной в моей спальне.

— Примечательно, но отнюдь не исключено, — сказал с улыбкою Холмс.

— Вы нашли разгадку? — спросил Грегсон.

— Дело выглядит не слишком сложным, хотя, конечно, в нем есть новые и любопытные черты. Необходимо собрать дополнительные данные, прежде чем я позволю себе вынести окончательное и определенное суждение. Кстати, мистер Бэйнс, вы при осмотре дома, кроме этой записки, не обнаружили ничего примечательного?

Сыщик посмотрел на моего друга каким-то особенным взглядом.

— Там есть, — сказал он, — очень даже примечательные вещи. Может быть, когда я управлюсь в полиции, вы съездите со мной на место и скажете мне, что вы о них думаете?

— Я весь к вашим услугам, — сказал Шерлок Холмс и позвонил. — Проводите джентльменов, миссис Хадсон, и пошлите мальчика на почту с этой телеграммой. Пять шиллингов на оплаченный ответ.

Когда посетители ушли, мы некоторое время сидели молча. Холмс жадно курил, сдвинув брови над своими пронзительными глазами и выдвинув голову вперед в характерном для него страстном напряжении мысли.

— Ну, Уотсон, — спросил он, вдруг повернувшись ко мне, — что вы об этом скажете?

— Насчет шутки с мистером Скотт-Эклсом не скажу вам ровно ничего.

— А насчет преступления?

— Поскольку все, проживавшие в доме, исчезли, я сказал бы, что они так или иначе причастны к убийству и сбежали от суда.

— Это, конечно, вполне возможное предположение. Однако, если его допустить, очень странным представится, что двое слуг, вступив в заговор против хозяина, почему-то нападают на него в ту единственную ночь, когда у него гость. Они могли разделаться с ним без помехи во всякую другую ночь.

— А почему же тогда они сбежали?

— Вот именно. Почему они сбежали? Это существенный факт. Другой существенный факт — замечательное происшествие с нашим клиентом, Скотт-Эклсом. Неужели, дорогой мой Уотсон, это вне пределов человеческой изобретательности — дать объяснение, которое могло бы связать эти два существенных факта? И если к тому же под него удастся подогнать и таинственную записку, составленную в таких странных выражениях, что ж, тогда его бы стоило принять как рабочую гипотезу. Если потом новые установленные нами факты все улягутся в схему, тогда наша гипотеза может постепенно перейти в решение.

— Но какова она, наша гипотеза?

Холмс откинулся в кресле, полузакрыв глаза.

— Вы должны согласиться, дорогой мой Уотсон, что о розыгрыше здесь и думать не приходится. Готовились серьезные дела, как показало дальнейшее, и то, что Скотт-Эклса заманили в Сиреневую Сторожку, стоит с ними в прямой связи.

— Но какая здесь возможна связь?

— Разберем шаг за шагом. Есть что-то неестественное — это сразу видно — в странной и внезапной дружбе между молодым испанцем и Скотт-Эклсом. Почин принадлежит ис-

панцу. Едва познакомившись, он на следующий же день едет к Эклсу в гости в другой конец Лондона и поддерживает с ним тесную связь, пока тот не приезжает к нему в Эшер. Что же ему было нужно от Эклса? Что Эклс мог ему дать? Я не вижу в этом человеке никакого обаяния. Он и умом не блещет; и едва ли можно думать о духовном сродстве между ним и человеком живого и тонкого латинского интеллекта. Почему же Гарсия из всех своих знакомых избирает именно его как человека, особенно подходящего для его целей? Есть у него какое-нибудь выделяющее его качество? Я сказал бы, есть. Он воплощенная британская добропорядочность, как раз такой человек, какой в роли свидетеля должен импонировать другому британцу. Вы сами видели, что его показания при всей их необычайности не внушили и тени сомнения ни одному из наших двух инспекторов.

— Но что он должен был засвидетельствовать?

— Как обернулось дело — ничего, но сложись оно иначе — все, что угодно. Так я толкую факты.

— Понятно. Он мог бы подтвердить алиби.

— Вот именно, мой дорогой Уотсон: он мог бы подтвердить алиби. Допустим, в порядке обсуждения, что слуги в Сиреновой Сторожке все являются соучастниками некоего заговора. Покушение, в чем бы оно ни заключалось, предполагалось совершить, скажем, до часу ночи. Возможно, что-нибудь подстроили с часами, и когда Скотт-Эклс ложился спать, было раньше, чем он думал; и уж, во всяком случае, очень вероятно, что когда Гарсия нарочно зашел к нему и сказал, что уже час ночи, на самом деле было не позже двенадцати. Если бы Гарсия успешно совершил намеченное дело, в чем бы оно ни состояло, и к часу вернулся бы домой, у него был бы, очевидно, убедительный ответ на обвинение. Был бы налицо этот англичанин безупречной репутации, готовый присягнуть на любом суде, что обвиняемый сидел все время дома. Это при самом дурном повороте давало некоторую гарантию.

— Да, конечно, тут мне все понятно. Но как объяснить исчезновение остальных?

— Я еще не располагаю всеми фактами, но думается, с этим едва ли возникнут неразрешимые трудности. Все же это ошибка — строить дедукцию до того, как получены достаточные

данные. Незаметно для самого себя начинаешь их подгонять под свою схему.

— А записка?

— Как она гласила? «Цвета — наши исконные: зеленый и белый». Речь как будто о соревнованиях. «Зеленый — открыто, белый — закрыто». Это явно сигнализация. «Парадная лестница, второй этаж, первый коридор, седьмая направо, зеленое сукно». Это — указание места встречи. За всем этим, возможно, кроется ревнивый муж. Затеянное, во всяком случае, связано было с большой опасностью. Будь это иначе, она не добавила бы: «Да хранит вас Бог». «Д.» — это то, что может навести на след.

— Гарсия — испанец. Я полагаю. «Д.» проставлено вместо «Долорес». В Испании это очень распространенное женское имя.

— Отлично, Уотсон, превосходно, но совершенно неприемлемо. Испанка писала бы испанцу по-испански. Записка бесспорно от англичанки. Итак, нам остается только набраться терпения и ждать, когда этот умница инспектор вернется за нами. А пока мы можем благодарить свою счастливую судьбу, что она на несколько часов избавила нас от невыносимой тягости безделья.

Наш сурреальный инспектор еще не вернулся, когда пришел ответ на телеграмму Холмса. Он его прочел и уже хотел заложить в свою записную книжку, но, верно, заметил, как у меня вытянулось лицо, и со смехом перебросил мне эту ответную телеграмму.

— Мы вращаемся в высоких сферах, — сказал он.

Телеграмма представляла собой перечень имен и адресов: «Лорд Харрингби — Ущелье. Сэр Джордж Фоллиот — Оксфордский замок. Мистер Хайнс, мировой судья — Парди-Плейс. Мистер Джеймс Бейкер Уильямс — Фортон, Старый Дом. Мистер Хендерсон — Дозорная Башня. Преподобный Джошуа Стоун — Нижний Уолслинг».

— Этим и ограничивается наше поле действий, — сказал Холмс. — Способ напрашивается сам собой. Бэйнс с его методическим умом, несомненно, избрал подобный же план.

— Мне не совсем ясно.

— Но, дорогой мой друг, мы ведь уже пришли к выводу, что в записке, которую Гарсия получил за обедом, назначалась какая-то встреча. Далее, если напрашивающееся толкование

правильно и для того, чтобы попасть на место тайного свидания, надо подняться с парадного хода на второй этаж и искать седьмую дверь по коридору, то совершенно ясно, что дом очень большой. Столь же очевидно, что он стоит не дальше, как в двух милях от Оксшотта, коль скоро Гарсия направился туда пешком и рассчитывал, по моему толкованию данных, вовремя вернуться в Сиреневую Сторожку, пока в силе его алиби, то есть до часу ночи. Так как больших домов поблизости от Оксшотта, наверно, не так уж много, я прибег к простому, самоочевидному методу: запросил агентство, упомянутое Скотт-Эклсом, и получил их список. Здесь они все налицо, в этой телеграмме, и наша запутанная нить другим своим концом уходит в один из них.

Было около шести, когда мы добрались в сопровождении инспектора Бэйнса до Эшера — славного городка в графстве Суррей.

Мы с Холмсом прихватили с собой все, что нужно для ночевки, и сняли довольно удобные комнаты в гостинице «Бык». Наконец вместе с нашим сыщиком мы отправились на осмотр Сиреневой Сторожки. Вечер был холодный и темный, резкий мартовский ветер и мелкий дождь хлестали нам в лицо, и от этого еще глуше казался пустынный выгон, которым шла дорога, еще печальней цель, к которой она нас вела.

2

ТИГР ИЗ САН-ПЕДРО

Отшагав мили две, мы подошли, невеселые и озябшие, к высоким деревянным воротам, за которыми начиналась угрюмая каштановая аллея. Изогнутая, укрытая тенью, она привела нас к низкому, темному дому, черному, как смоль, на свинцово-сером небе. По фасаду в одном из окон — слева от двери — чуть мерцал слабый отблеск света.

— Тут у нас дежурит констебль, — сказал Бэйнс. — Я постучусь в окно. — Он прошел прямо по газону и легонько постучал пальцами в нижнее стекло. Сквозь потное стекло я смутно увидел, как с кресла у камина вскочил какой-то человек, услышал донесшийся из комнаты резкий крик, и через полминуты нам

открыл дверь полисмен, бледный, тяжело дыша и с трудом удерживая в дрожащей руке шатающуюся свечу.

— В чем дело, Уолтерс? — резко спросил Бэйнс.

Полисмен отер лоб носовым платком и облегченно вздохнул.

— Хорошо, что вы пришли, сэр. Вечер тянулся так долго, а нервы у меня что-то не те, что были.

— Нервы, Уолтерс? А я и не знал, что у вас есть нервы.

— Понимаете, сэр, дом пустой, и тишина такая, да еще эта странная штука на кухне. И потом, когда вы постучали в окно, я подумал, что это опять вернулся он.

— Кто он?

— Сам не знаю. Не иначе, как дьявол, сэр. Он тут все стоял под окном.

— Кто стоял под окном и когда?

— Часа два тому назад. Когда только начало темнеть. Я сидел в кресле и читал. Не знаю, что меня толкнуло поднять голову, но только в окошко, в нижнее стекло, на меня смотрело чье-то лицо. Боже мой, сэр, что это была за рожа! Она мне будет сниться по ночам.

— Ну-ну, Уолтерс! Констеблю полиции не пристало так говорить.

— Знаю, сэр, знаю. Но меня кинуло в дрожь, сэр, что пользы скрывать? Она была не черная, сэр, и не белая, и ни какого ни на есть известного мне цвета, а какая-то землистая, что ли, в желтоватых разводах. И широченная, сэр, — вдвое больше вашего лица. А глядела-то как: выпученные глазища и белые оскаленные зубы — ну, совсем точно голодный зверь. Говорю вам, сэр, я пальцем не мог пошевелить, не мог вздохнуть, пока это чудовище не исчезло, сэр, шмыгнуло куда-то и пропало. Я кинулся за ним в кусты, но там, слава богу, никого не оказалось.

— Когда бы я не знал, что вы хороший работник, Уолтерс, я бы за такие слова закатил вам выговор. Будь там сам дьявол, полицейский на посту никак не должен говорить «слава богу», когда не сумел его схватить. Может, вам это все померещилось, нервы шалят?

— Проверить это очень просто, — сказал Холмс, зажигая свой карманный фонарик.

— Да, — доложил он, быстро осмотрев газон, — башмаки, по-моему, номер двенадцатый. Если у него и рост под статью, он должен быть великаном.

— Куда он делся?

— Видимо, продрался сквозь кусты и выбежал на большую дорогу.

На лице инспектора отразилось важное раздумье.

— Ладно, — сказал он. — Кто бы это ни был и что бы он ни затевал, его здесь нет, и мы должны заняться нашей прямой задачей. С вашего разрешения, мистер Холмс, мы сейчас осмотрим с вами дом.

В спальнях и гостиных тщательный обыск, по словам Бэйнса, ничего особенного не дал. Очевидно, жильцы не привезли с собою почти что ничего, и все вещи в доме, вплоть до последних мелочей, были взяты на прокат. Оставлено было много одежды с маркой «Маркс и К°», Хай-Холборн». Телеграфный запрос уже был сделан и тоже ничего не дал: Маркс знал о своем клиенте только одно, что он исправный плательщик. Из собственного имущества было обнаружено несколько табачных трубок, кое-какие романы — два из них на испанском, — устарелый револьвер системы Лефосе да гитара — вот, собственно, и все.

— Тут ничего особенного, — сказал Бэйнс, вышагивая со свечой в руке из комнаты в комнату. — Теперь, мистер Холмс, я предложу вашему вниманию кухню.

Это было мрачное, с высоким потолком помещение окнами на задний двор. В одном углу — соломенная подстилка, служившая, должно быть, повару постелью. Стол был завален початыми блюдами со снедью и грязными тарелками — остатки вчерашнего обеда.

— Посмотрите вот на это, — сказал Бэйнс. — Как, по-вашему, что это может быть?

Он поднес свечу к какому-то необыкновенному предмету, приставленному к задней стенке посудного шкафа. Он был такой сморщенный, съежившийся, выцветший, что не разобрать, что же это такое. Можно было только сказать, что это что-то черное, обтянутое кожей, и что похоже оно на крошечное человеческое тельце. Посмотрев на него, я сперва подумал, что передо мною мумия негритянского младенца, а потом мне показалось, что это скорей сильно скрючившаяся и очень старая обезьянка. Я так и не решил, чье же это в конце концов

тело — человеческое или звериное? Посередине оно было опоясано двойною нитью бус из белых ракушек.

— Интересно... очень интересно! — заметил Холмс, взглядевшись в эти зловещие останки. — Есть что-нибудь еще?

Бэйнс молча подвел нас к раковине и поднял над ней свечу. По ней раскиданы были туловище и конечности зверски растерзанной, с неошипанными перьями крупной белой птицы. Холмс указал на оторванную голову с красным жабо на шее.

— Белый петух, — сказал он. — Чрезвычайно интересно! Случай в самом деле весьма любопытный.

Но самое зловещее мистер Бэйнс приберег напоследок. Он вытащил из-под раковины цинковое ведро, полное крови. Потом взял со стола и показал нам большое плоское блюдо с горой изрубленных и обгорелых костей.

— Здесь убивали и жгли. Это все мы выгребли из топки. Утром у нас был тут врач. Говорит, кости не человеческие.

Холмс улыбался, потирая руки.

— Должен вас поздравить, инспектор: вам достался очень необычный и поучительный случай. Надеюсь, вас не обидит, если я скажу вам, что ваши способности выше тех возможностей, какие открыты перед вами.

Маленькие глазки Бэйна засверкали от удовольствия.

— Вы правы, мистер Холмс. Нас тут, в провинции, губит застой. Такой случай, как этот, для человека редкая удача, и я постараюсь не упустить ее. Что вы скажете об этих костях?

— Кости ягненка, сказал бы я, или козленка.

— А о белом петухе?

— Любопытно, Бэйнс, очень любопытно. Я бы даже сказал — уникально!

— Да, сэр, в этом доме жили, наверно, очень странные люди, и уклад у них был очень странный. Один из них погиб. Может быть, его слуги проследили его и убили? Если так, мы их перехватим; во всех портах стоят у нас посты. Но, на мой взгляд, тут другое. Да, сэр, на мой взгляд, тут нечто совсем другое.

— Значит, у вас есть своя теория?

— И я проверю ее сам, мистер Холмс. Мне это послужит к чести. Вы уже составили себе репутацию, а мне свою надо еще только утверждать. Хотелось бы мне, чтобы потом я мог говорить, что решил задачу без вашей помощи.

Холмс добродушно рассмеялся.

— Ладно, инспектор, — сказал он. — Ступайте своим путем, а я пойду своим. Если я чего-то достигну, все будет к вашим услугам по первой вашей просьбе. Пожалуй, я видел в доме все, что было нужно; и мое время может быть потрачено с большей пользой где-нибудь еще. Au revoir¹, желаю вам успеха.

По множеству тонких признаков, которые, верно, никому, кроме меня, ничего не сказали бы, я видел, что Холмс попал на след. Сторонним наблюдателям он показался бы спокойным, как всегда; и тем не менее в его посветлевших глазах, в живости его движений ощущалась какая-то еле сдерживаемая страстность и какая-то напряженность, позволявшие мне заключить, что гон начался. Холмс по своему обыкновению ничего не говорил, а я по своему — не задавал вопросов. С меня было довольно и того, что я участвую в охоте и оказываю другу посильную помощь, не отвлекая его ненужными расспросами от неотступного размышления. В положенное время он сам обратится ко мне.

Итак, я ждал, но, к своему все возрастающему разочарованию, ждал напрасно. Проходил день за днем, а друг мой не предпринимал никаких шагов. Как-то он съездил утром в город, и по одному брошенному вскользь замечанию я понял, что он заходил в Британский музей. Если не считать этого единственного случая, он проводил свои дни в долгих и нередко одиноких прогулках или в разговорах с местными кумушками, с которыми завел знакомство.

— По-моему, Уотсон, неделя в деревне принесет вам неоценимую пользу, — заметил он однажды. — Так приятно увидеть опять первые зеленые побеги на живой изгороди и сережки на орешнике! С лопатой в руке, с ботанизированной и кратким определителем растений тут отлично можно отдохнуть, расширяя при том свои знания.

Он и сам бродяжил в таком снаряжении, но вечерами мог предьявить довольно скудный сбор трав и цветов.

В наших прогулках мы иногда набредали на инспектора Бэйнса. Толстое, красное его лицо, когда он здоровался с моим спутником, собиралось в складки от широкой улыбки, маленькие глазки поблескивали. О розысках своих он говорил немного, но из этого немногого мы могли заключить, что и он вполне

¹ До свидания (*фр.*).

доволен ходом дела. Все же, признаюсь, я порядком удивился, когда дней через пять после убийства, развернув утром газету, я увидел набранное огромными буквами:

*ТАЙНА ОКСШОТТА РАСКРЫТА.
ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ УБИЙЦА АРЕСТОВАН*

Холмс, как ужаленный, подскочил в своем кресле, когда я прочитал вслух эти заголовки.

— Быть не может! — вскричал он. — Это что ж означает, что Бэйнс его накрыл?

— Очевидно, так, — сказал я, пробежав глазами следующую заметку.

«Сильное волнение охватило город Эшер и его окрестности, когда вчера поздно вечером распространилось известие об аресте, произведенном в связи с Оксшоттским убийством. Наши читатели, вероятно, помнят, что мистер Гарсия из Сиреневой Сторожки был найден мертвым на Оксшоттском Выгоне, причем на его теле были обнаружены следы, с несомненностью говорящие о насильственной смерти; и что в ту же ночь его лакей и повар сбежали, что наводило на мысль об их соучастии в убийстве. Есть предположение, очень вероятное, хотя и недоказанное, что покойный хранил в доме ценности, похищение которых и явилось мотивом преступления. Инспектор Бэйнс, ведущий это дело, прилагал все усилия к обнаружению места укрытия преступников и не без оснований полагал, что они не могли сбежать далеко, а укрылись в каком-то заранее подготовленном убежище. Однако с самого начала представлялось несомненным, что беглецы непременно будут обнаружены, так как повар, по свидетельству двух-трех разносчиков, мельком видевших его в окно, обладает чрезвычайно приметной внешностью: это очень рослый и на редкость безобразный мулат с желтоватым лицом резко выраженного негритянского склада. Человека этого уже видели после свершения убийства: констебль Уолтерс обнаружил его и пытался преследовать, когда тот в первый же вечер имел дерзость наведаться в Сиреневую Сторожку. Рассчитав, что для такого посещения мулат должен был иметь какую-то цель и, значит, по всей вероятности, повторит свою попытку, инспектор Бэйнс оставил дом пустым, по поместил засаду в кустах. Ночью мулат попал в ловушку и был схвачен после борьбы, в которой этот дикарь жес-

токо укусил констебля Даунинга. После первых допросов арестованного полиции, очевидно, разрешат дальнейшее содержание его под стражей, и его поимка вселяет надежду, что Оксшоттская тайна будет вскоре раскрыта».

— Нужно немедленно повидаться с Бэйнсом! — закричал Холмс. — Времени в обрез, но мы еще успеем застать его дома.

Мы быстро прошли деревенскую улицу и, как и ожидали, захватили инспектора при выходе из дому.

— Читали, мистер Холмс? — спросил он, протягивая нам газету.

— Да, Бэйнс, читал. Не примите в обиду, но я позволю себе по-дружески предостеречь вас.

— Предостеречь, мистер Холмс?

— Я и сам вникал в это дело, и я уверен, что вы на ложном пути. Не хочется мне, чтобы вы слишком долго блуждали понапрасну, пока убедитесь в этом сами!

— Очень любезно с вашей стороны, мистер Холмс.

— Уверяю вас, я говорю это, желая вам добра.

Мне показалось, будто Бэйнс чуть подмигнул одним своим крошечным глазом.

— Мы условились, что будем работать каждый сам по себе, мистер Холмс. И я следую уговору.

— Ага, очень хорошо, — сказал Холмс. — Так уж не ругайте меня потом.

— Зачем же, сэр? Я вижу, что вы со мной по-хорошему. Но у каждого своя система, мистер Холмс. Вы действуете по своей, а я, может, по своей.

— Не будем больше об этом говорить.

— Я всегда с удовольствием поделюсь с вами новостями. Этот парень совершенный дикарь, силен, как ломовая лошадь, и свиреп, как черт. Он Даунингу чуть совсем не откусил большой палец, пока мы с ним совладали. Он по-английски ни слова, и мы ничего не можем вытянуть из него — мычит и только.

— У вас, вы думаете, есть доказательства, что он убил своего хозяина?

— Я этого не говорю, мистер Холмс. Не говорю. У нас у каждого своя дорожка. Вы пробуете идти по вашей, я по своей. Ведь так мы договорились?

— Не пойму я этого человека, — сказал, пожимая плечами, Холмс, когда мы вышли от инспектора. — Сам себе яму роет. Что ж, попробуем, как он говорит, идти каждый своей дорож-

кой и посмотрим, что из этого получится. А все-таки этот инспектор Бэйнс не так прост — я тут чего-то не понял.

— Сядьте же в это кресло, Уотсон, — сказал Холмс, когда мы вернулись в свои комнаты в «Быке». — Я хочу, чтобы вы уяснили себе ситуацию, так как сегодня вечером мне, возможно, понадобится ваша помощь. Сейчас я покажу вам, как шло, насколько я мог проследить, развитие этого случая. Он как будто вовсе и не сложен в основных своих чертах, а между тем представляет неожиданные трудности для ареста виновных. В этом смысле у нас остаются пробелы, которые еще предстоит заполнить.

Вернемся к записке, полученной Гарсией за обедом в день его смерти. Мы можем отбросить идею Бэйнса, что в деле замешаны слуги Гарсии. Это опровергается тем, что он сам же постарался завлечь в дом Скотт-Эклса, что могло быть сделано единственно в целях алиби. Значит, именно Гарсия замыслил какое-то предприятие — и, по-видимому, преступное — на ту самую ночь, когда он встретил свою смерть. Я говорю «преступное», потому что, только замыслив преступное, человек желает подготовить себе алиби. Кто же тогда всего вероятней лишил его жизни? Конечно, тот, против кого был направлен его преступный умысел. До сих пор мы, как мне кажется, стоим на твердой почве.

Теперь нам видно, что могло послужить причиной к исчезновению слуг Гарсии. Они были оба соучастниками в том неизвестном нам покушении. Если бы к возвращению Гарсии оно было бы уже совершено, всякое подозрение отпало бы благодаря свидетельству англичанина и все прошло бы безнаказанно. Но покушение сопряжено было с опасностью, и если бы к намеченному часу Гарсия не вернулся, это означало бы, что он сам поплатился жизнью. Поэтому они условились, что в этом случае двое его подчиненных должны уйти в какое-то заранее приготовленное место, где они могли бы укрыться от преследования, чтобы в дальнейшем повторить свою попытку. Так, не правда ли, все факты получают объяснение?

Передо мною все легло, точно распутанная пряжа. Я, как всегда, только диву давался, как мне раньше не было это столь же очевидно самому.

— А почему же один из слуг вернулся?

— Мы можем представить себе, что при побеге он в спешке забыл захватить какую-то вещь, очень ему дорогую — такую, что расстаться с ней для него невыносимо. Как, по-вашему, это объяснило бы его упрямые попытки вернуться за нею?

АРХИВ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

СИЯТЕЛЬНЫЙ КЛИЕНТ

— Теперь это никому не может повредить, — заметил Шерлок Холмс, когда я в десятый раз за такое же количество лет попросил его согласия на публикацию нижеследующей истории. Так я наконец получил разрешение описать случай, который в определенном смысле был вершиной карьеры моего друга.

Мы с Холмсом оба питали слабость к турецким баням. Когда мы курили в предбаннике, пребывая в состоянии приятной расслабленности после парной, он становился менее сдержанным и более человечным, чем где-либо еще. На верхнем этаже дома на Нортумберленд-авеню есть уединенный уголок, где два дивана стоят бок о бок; именно там мы лежали 3 сентября 1902 года, в тот день, когда начинается мой рассказ. Я спросил Холмса, есть ли у него сейчас какое-нибудь интересное дело. Вместо ответа он вытянул из-под простыни свою длинную, худую и жилистую руку и достал конверт из внутреннего кармана сюртука, висевшего рядом с ним.

— Возможно, это написал какой-то взбалмошный глупец с непомерным самомнением, а может быть, речь идет о жизни и смерти, — сказал он и передал мне письмо. — Я знаю не больше, чем написано здесь.

Письмо, отправленное из клуба «Карлтон», было датировано вчерашним вечером. Вот что я прочитал:

«Сэр Джеймс Дэмери выражает мистеру Шерлоку Холмсу свое почтение и намеревается посетить его завтра в 16.30. Сэр Джеймс просит принять во внимание, что дело, о котором он хочет посоветоваться с мистером Холмсом, очень деликатное и чрезвычайно важное. Поэтому он надеется, что мистер Холмс приложит все усилия, чтобы встреча состоялась, и подтвердит это телефонным звонком в клуб «Карлтон».

— Не стоит и говорить, что я дал согласие, Уотсон, — сказал Холмс, когда я вернул ему письмо. — Вам что-нибудь известно об этом Дэмери?

— Лишь то, что его имя хорошо известно в светском обществе.

— Я могу кое-что добавить к этому. Он пользуется репутацией человека, улаживающего щекотливые дела, которые не должны попадать в прессу. Возможно, вы помните его переговоры с Джорджем Льюисом о завещании Хаммерфорда. Он обладает богатым опытом и врожденными дипломатическими способностями. Надеюсь, это не ложный след и он действительно нуждается в нашей помощи.

— Нашей?

— Если вы будете так добры, Уотсон.

— Почту за честь.

— Тогда мы знаем время: половина пятого. До тех пор можно выкинуть это дело из головы.

Тогда я жил в собственной квартире на Куин-Энн-стрит, но явился на Бейкер-стрит до назначенного срока. Ровно в половине пятого нас известили о прибытии полковника Джеймса Дэмери. Его внешность вряд ли нуждается в описании: многие помнят этого дородного, добродушного и прямого человека с широким, чисто выбритым лицом и приятным звучным голосом. Серые ирландские глаза сэра Дэмери сияли искренностью, а в уголках подвижных губ играла жизнерадостная улыбка. Его сияющий цилиндр, темный сюртук и прочие детали туалета — от жемчужной

булавки в черном шелковом галстуке до бледно-лиловых краг над лакированными туфлями, свидетельствовали о пристальном внимании к выбору одежды, которым он славился. Рослый и уверенный в себе аристократ сразу же занял господствующее положение в небольшой комнате.

— Разумеется, был готов встретить здесь доктора Уотсона, — с учтивым поклоном заметил он. — Его содействие может оказаться весьма полезным, мистер Холмс, потому что в данном случае мы имеем дело с человеком, который хорошо знаком с насилием и в буквальном смысле не остановится ни перед чем. Я бы сказал, что это самый опасный человек в Европе.

— У меня было несколько оппонентов, заслуживших этот лестный эпитет, — с улыбкой сказал Холмс. — Вы курите? Тогда, с вашего позволения, я закурю трубку. Если ваш преступник более опасен, чем покойный профессор Мориарти или ныне здравствующий полковник Себастьян Моран, то с ним действительно стоит познакомиться. Могу я узнать его имя?

— Вам приходилось слышать о бароне Грюнере?

— Вы имеете в виду австрийского убийцу?

Полковник Дэмери со смехом всплеснул руками, затянутыми в лайковые перчатки.

— От вас ничего не скроешь, мистер Холмс! Замечательно! Итак, вы уже заклеили его как убийцу?

— В мои обязанности входит изучение подробностей преступной жизни на континенте. Любой, кто читал о том, что случилось в Праге, не может иметь никаких сомнений относительно виновности этого человека. Его спасла лишь чисто юридическая формальность и подозрительная гибель свидетеля! Я уверен, что он убил свою жену во время так называемого инцидента на Шплюгенском перевале, как если бы видел это собственными глазами. Кроме того, я знаю, что он приехал в Англию, и у меня было предчувствие, что рано или поздно он задаст мне работу. Итак, что замышляет барон Грюнер? Полагаю, речь не идет о той старой трагедии?

— Нет, здесь дело куда серьезнее. Важно наказывать преступников, но еще важнее предотвращать преступления. Это ужасно, мистер Холмс, видеть, как на твоих глазах готовится жестокий план и ясно понимать, какими будут последствия, и в то же время не иметь ни малейшей возможности изменить

зловещий ход событий. Можно ли представить человека в более затруднительном положении?

— Наверное, нет.

— Тогда вы проявите сочувствие к клиенту, чьи интересы я представляю.

— До сих пор я не знал, что вы просто посредник. Кто же ваш доверитель?

— Мистер Холмс, я вынужден просить вас не настаивать на ответе на этот вопрос. Для меня очень важно заверить своего клиента, что его почтенное имя ни в коем случае не будет раскрыто. Его побуждения абсолютно чисты и благородны, но он предпочитает оставаться безымянным. Естественно, вам гарантировано вознаграждение, и вы получаете полную свободу действий. Разве при таких условиях вам необходимо знать настоящее имя вашего заказчика?

— Прошу прощения, — сказал Холмс. — Я привык иметь дело с загадками на одной стороне расследования, но загадка с обеих сторон слишком затрудняет дело. Боюсь, сэр Джеймс, мне придется отклонить ваше предложение.

Наш посетитель был очень расстроен. Его широкое, выразительное лицо омрачилось от сдерживаемого разочарования.

— Мистер Холмс, вы едва ли представляете, перед каким серьезным выбором я оказываюсь в результате вашего решения, — сказал он. — Я совершенно уверен, что вы с готовностью взяли бы за расследование, если бы я мог сообщить вам факты, но обещание не позволяет мне раскрыть их в полной мере. Могу я хотя бы изложить все, что имею право сказать?

— Несомненно, но при условии, что я не могу дать никаких обязательств.

— Это понятно. Вы, конечно, слышали о генерале де Мервиле?

— О герое Хайберского перевала?¹ Да, я слышал о нем.

— У него есть дочь, Вайолет де Мервиль: молодая, богатая, красивая, с хорошим образованием — одним словом, настоящее чудо во всех отношениях. Именно эту славную и невинную девушку мы пытаемся вырвать из когтей злобного демона.

— Значит, барон Грюнер обладает некой властью над ней?

¹ Хайберский перевал — проход в хребте Сафедкох (Спингар), у границы между Пакистаном и Афганистаном.

— Самой сильной, когда речь идет о женщине, — властью любви. Возможно, вы слышали, что этот негодяй чрезвычайно обаятелен. Его учтивые манеры и вкрадчивый голос создают атмосферу романтической тайны, которая так много значит для женщин. Говорят, что он может соблазнить любую из них и без зазрения совести пользуется этим.

— Но как такой человек мог познакомиться с дамой, занимающей столь высокое положение в обществе, как мисс Вайолет де Мервиль?

— Это произошло во время круиза на яхте по Средиземному морю. Хотя там собралась компания из высшего света, каждый отдельно платил за проезд. Организаторы, несомненно, не догадывались об истинной натуре барона, а потом было уже слишком поздно. Злодей постоянно находился рядом с дамой и в конце концов совершенно покори́л ее сердце. Она души в нем не чаёт, она буквально одержима любовью к нему. Кроме него, для нее больше ничего не существует. Она не хочет слышать о нем ни одного дурного слова. Были испробованы любые средства, чтобы излечить ее от этого безумия, но все оказалось тщетно. В итоге она собирается выйти за него замуж в следующем месяце. Поскольку она совершеннолетняя и воля у нее железная, то непонятно, как можно помешать этому.

— Она знает о трагедии, которая случилась в Австрии?

— Этот хитроумный дьявол поведал ей обо всех неприглядных публичных скандалах из своего прошлого, но всегда выставлял себя в роли невинной жертвы. Она полностью согласна с его версией событий и не будет слушать ничего иного.

— Боже мой! Но получается, что вы непреднамеренно выдали мне имя вашего клиента. Без сомнения, это генерал де Мервиль.

Наш гость поерзал на стуле.

— Я мог бы обмануть вас, мистер Холмс, и согласиться с вашей догадкой, но это было бы неправдой. Де Мервиль — сломленный человек. Этот сильный воин был совершенно деморализован последними событиями. Он утратил выдержку, никогда не изменявшую ему на поле боя, и превратился в слабого, дряхлого старика, абсолютно неспособного соперничать с таким блестящим и напористым мошенником, как этот австриец. Однако мой клиент — его старый друг, который в течение многих лет был близко знаком с генералом и проявлял отцовский интерес к его дочери с тех пор, как она носила детские платьица. Он

считает своим долгом сделать все возможное, чтобы предотвратить трагедию. В деле нет обстоятельств, которые позволили бы привлечь Скотленд-Ярд к расследованию. Он сам предложил обратиться к вам, но, как я уже говорил, с особым условием, что это не будет иметь никакого отношения к его имени. Мистер Холмс, я не сомневаюсь, что ваши выдающиеся способности позволят вам без труда выследить его через меня. Но я взываю к вашей чести и прошу воздержаться от этого, чтобы не нарушить его инкогнито.

Холмс иронично улыбнулся.

— Думаю, я могу дать вам такое обещание, — сказал он. — Могу добавить, что ваша проблема представляет интерес для меня, и я готов разобраться в ней. Как мы будем держать связь с вами?

— Меня можно найти через клуб «Карлтон», но в экстренном случае звоните по частному номеру ХХ-31.

Холмс записал номер и сел, по-прежнему улыбаясь, с открытой записной книжкой на колене.

— Будьте добры, назовите нынешний адрес барона Грюнера, — попросил он.

— Вернон-Лодж, около Кингстона. Это изящный особняк. Барон преуспел в некоторых сомнительных махинациях и стал богатым человеком, что делает его еще более опасным противником.

— Он сейчас дома?

— Да.

— Вы можете сообщить какие-то дополнительные сведения о нем, кроме того, о чем уже рассказали?

— Он любит роскошь и увлекается лошадьми. Недолгое время он играл в поло в Хэрлингеме, но после того, как пражское дело получило огласку, ему пришлось отказаться от этого занятия. Он коллекционирует книги и картины. У него хороший художественный вкус. Насколько мне известно, он является признанным специалистом по китайской керамике и написал книгу на эту тему.

— Человек с многогранным умом, — сказал Холмс. — У всех великих преступников есть эта черта. Мой старый знакомый Чарли Пис виртуозно играл на скрипке, Уэйнрайт был неплохим художником. Я мог бы назвать и многих других. Итак, сэр Джемс, вы можете сообщить вашему клиенту, что я поразмыслю над делом барона Грюнера. Больше ничего сказать не могу. У меня есть собственные источники информа-

ции, и, смею надеяться, мы найдем некий способ разобраться с этой проблемой.

Когда наш посетитель ушел, Холмс так надолго погрузился в раздумье, что казалось, забыл о моем присутствии. Наконец он спустился с небес на землю.

— Ну, Уотсон, что вы думаете? — спросил он.

— Полагаю, вам стоит лично встретиться с девушкой.

— Дорогой Уотсон, если даже несчастный сломленный отец не смог тронуть ее душу, то на что может надеяться незнакомый человек вроде меня? Думаю, мы должны зайти с другой стороны, и здесь Шинуэлл Джонсон может помочь нам.

До сих пор у меня не было случая упомянуть о Шинуэлле Джонсоне в этих записках, так как я редко обращался к случаям, относившимся к позднему этапу карьеры моего друга. В первые годы нового века Джонсон стал его ценным помощником. Как ни прискорбно, сначала Джонсон получил известность как чрезвычайно опасный преступник, отсидевший два срока в Паркхэрсте. В конце концов он раскаялся в своих злодеяниях и заключил союз с Холмсом, действуя в качестве его агента в огромном преступном мире Лондона и добывая сведения, которые часто оказывались жизненно важными. Если бы Джонсон был полицейским «стукачом», его бы вскоре разоблачили, но, поскольку он разбирался с делами, никогда не доходившими до суда, у его знакомых не возникало никаких подозрений. С романтическим ореолом двух судимостей он мог свободно войти в любой ночной клуб, ночлежку или игорный дом в городе, а наблюдательность и деятельный ум делали его идеальным сборщиком информации. Неудивительно, что теперь Шерлок Холмс предложил обратиться к нему.

Я не имел возможности проследить за первыми шагами, предпринятыми моим другом, поскольку у меня были срочные профессиональные дела, но в тот вечер мы договорились встретиться в ресторане Симпсона. Там, сидя за столиком у окна и глядя на нескончаемый поток жизни на Стрэнде, он рассказал мне о некоторых последних событиях.

— Джонсон идет по следу, — сказал он. — Он соберет кое-какой мусор в темных уголках нижнего мира. Именно там, возле черных истоков преступлений, мы должны охотиться за секретами барона.

— Но если девушка не приемлет того, о чем уже известно, то почему вы думаете, что ваши новые находки заставят ее изменить свое мнение?

— Кто знает, Уотсон? Женское сердце и женский ум — неразрешимые загадки для мужчины. Женщина может оправдать и объяснить убийство, но какое-нибудь мелкое прегрешение будет невыносимым для нее. Барон Грюнер сказал мне...

— Вы разговаривали с ним!

— Честно говоря, Уотсон, я не раскрыл вам свои планы. Видите ли, я люблю встречаться с противником лицом к лицу. Мне нравится смотреть ему в глаза и самому понимать, из какого он теста. Когда я дал указания Джонсону, то проехался в кебе до Кингстона и застал барона в самом приветливом расположении духа.

— Он узнал вас?

— Ему не составило труда это сделать, потому что я просто вручил ему свою визитную карточку. Он превосходный противник: холодный как лед, с бархатистым убаюкивающим голосом, как у одного из ваших модных консультантов, но ядовитый как кобра. В нем чувствуется порода — настоящий преступный аристократ, небрежно предлагающий чашечку чая, за которой угадывается могильная яма. Да, я рад, что мне представилась возможность свести знакомство с бароном Адельбертом Грюнером.

— Вы сказали, что он был приветлив?

— Как мурлыкающий кот, который думает, что видит беззащитную мышь. Любезность некоторых людей более смертоносна, чем агрессия более грубых существ. Уже его приветствие говорило о многом. «Я так и думал, что рано или поздно встречу с вами, мистер Холмс, — сказал он. — Без сомнения, генерал де Мервиль обратился к вашим услугам, чтобы попытаться расстроить мой брак с его дочерью Вайолет. Это верно, не так ли?» Я согласился с ним. «Тогда, мой дорогой, вы всего лишь разрушите свою вполне заслуженную репутацию, — сказал он. — В этом деле у вас нет никакой возможности добиться успеха. Вы потратите силы впустую, не говоря о том, что подвергнете себя некоторой опасности. Позвольте дать вам настоящий совет: лучше сразу же откажитесь от своих намерений». «Любопытно, — ответил я. — Дело в том, что я собирался дать вам именно такой совет. Я уважаю ваш интеллект, барон, и то малое, что я успел увидеть при личном знакомстве, не уме-

ньшило этого уважения. Позвольте мне обратиться к вам как мужчина к мужчине. Никто не хочет копаться в вашем прошлом и причинять вам ненужные хлопоты. С прошлым покончено, и теперь вы находитесь в спокойных водах, но если вы будете настаивать на этом браке, то восстановите против себя целый сонм могущественных врагов, которые не отступятся от своего, пока Англия не станет для вас слишком жарким местом. Стоит ли игра свеч? Конечно, будет разумнее оставить девушку в покое. Вряд ли вам будет приятно, если некоторые факты из вашего прошлого станут ей известны».

У барона под носом есть тонкие навощенные усы, похожие на усики насекомого. Пока он слушал, они подрагивали от удовольствия, и наконец он испустил легкий смешок

«Простите за смех, мистер Холмс, но действительно забавно видеть, как вы пытаетесь разыграть партию без единого козыря на руках. Не думаю, что кому-то это удалось бы лучше, чем вам, но тем не менее это выглядит патетично. Ни одной крупной карты, мистер Холмс, ничего, кроме жалкой мелочи».

«Это вы так думаете».

«Не думаю, а знаю. Разрешите внести ясность: у меня такая сильная масть, что я готов даже показать карты. Мне выпала удача добиться абсолютного расположения этой дамы несмотря на тот факт, что я очень подробно рассказал ей о всех несчастных случаях из моей былой жизни. Я также предупредил ее, что некоторые злонамеренные интриганы — надеюсь, вы узнаете себя — придут к ней и станут говорить об этих вещах, поэтому я сказал ей, как нужно с ними обращаться. Вы слышали о постгипнотической суггестии, мистер Холмс? Теперь вы можете увидеть ее в действии, поскольку человек с сильной волей может гипнотизировать других без вульгарных пассов и прочего шутовства. Так что она готова к встрече с вами и, несомненно, согласится побеседовать с вами. Она вполне покорна воле своего отца... за исключением одного незначительного обстоятельства».

Ну вот, Уотсон, говорить было больше не о чем, поэтому я отклонялся ему с холодным достоинством, которое смог в себе найти. Но когда я взялся за ручку двери, он остановил меня.

«Кстати, мистер Холмс, — сказал он, — вы знали ле Брюна, французского тайного агента?»

«Да», — ответил я.

«Вам известно, что с ним случилось?»

«Я слышал, что какие-то бандиты жестоко избили его на Монмартре и он на всю жизнь остался калекой».

«Совершенно верно, мистер Холмс. По странному совпадению, он сунул нос в мои дела лишь за неделю до этого происшествия. Не следуйте его примеру, мистер Холмс, это приносит несчастье. Некоторые имели возможность убедиться в этом. Вот мое последнее слово: идите своей дорогой и позвольте мне идти своей. Прощайте!»

Вот так, Уотсон. Теперь вы все знаете.

— Этот субъект кажется опасным.

— Несомненно. Я не обращаю внимания на пустые угрозы, но он из той породы людей, которые говорят меньше, чем собираются сделать.

— Стоит ли вам вмешиваться? Что может случиться, если он женится на этой девушке?

— Принимая во внимание, что он несомненно убил свою первую жену, можно ожидать самого худшего. Кроме того, подумайте о нашем клиенте! Ладно, ладно, не будем это обсуждать. Допивайте свой кофе и пойдемте со мной; наш славный Шинуэлл скоро явится с докладом.

Действительно, он уже ждал нас на квартире Холмса — громадный, грубый краснолицый человек с испорченными цингой зубами и живыми черными глазами, которые были единственным внешним признаком его незаурядного ума. Он только что побывал в своем мрачном царстве и вынес оттуда его *символ* в виде сидевшей рядом с ним на диване стройной рыжеволосой женщины с бледным напряженным лицом — еще молодым, но настолько замутненным грехами и горестями, что на нем можно было прочесть ужасные годы, оставившие эту неизгладимую печать.

— Это мисс Китти Уинтер, — сказал Шинуэлл Джонсон, представив ее мановением пухлой руки. — Чего она не знает... впрочем, она сама будет говорить за себя. Не прошло и часу после нашей встречи, мистер Холмс, как я нашел ее.

— Меня легко найти, — сказала молодая женщина. — Лондон, преисподняя, обращаться в любое время. Толстяк Шинуэлл проживает по тому же адресу. Мы с Толстяком старые знакомые. Но, спаси Господи, если бы в мире существовала справедливость, то одному мерзавцу следовало бы угодить в более глубокую преисподнюю, чем нам! Это человек, за которым вы охотитесь, мистер Холмс.

Холмс улыбнулся:

— Насколько я понимаю, мисс Уинтер, вы желаете мне успеха.

— Если я помогу упрятать его туда, где ему самое место, то я ваша до скончания дней! — со свирепой энергией выпалила наша гостья. Ее бледное, искаженное лицо с горящими глазами выражало такую ненависть, какую редко можно встретить у женщин и никогда у мужчин. — Вам не нужно ворошить мое прошлое, мистер Холмс. У меня больше нет прошлого, но Адельберт Грюнер сделал меня такой, как сейчас. Если бы я могла добраться до него! — Она яростно вскинула кулаки. — О, если бы я только могла столкнуть его в выгребную яму, куда он отправил многих из нас!

— Вы знаете, как обстоят дела?

— Толстяк Шинуэлл рассказал мне. Теперь он заполучил другую несчастную дуручку и хочет жениться на ней. Вы хотите остановить его. Конечно, вы достаточно много знаете об этом дьяволе, чтобы любая честная женщина в своем уме не захотела пойти с ним под венец.

— Она не в своем уме. Она безумно влюблена в него. Ей все рассказали о нем, но она осталась глуха к этому.

— Рассказали об убийстве?

— Да.

— Боже мой, ну и хладнокровная девица!

— Она считает, что все клеветают на него.

— Разве вы не можете представить доказательства этой глупышке?

— Вы могли бы помочь нам это сделать?

— Разве я сама не доказательство? Если я встану перед ней и расскажу, как он использовал меня...

— Вы это сделаете?

— Сделаю ли я? Еще бы!

— Тогда стоит попробовать. Но учтите, он раскрыл ей большую часть своих прегрешений и получил прощение. Насколько я понимаю, она не будет повторно обсуждать этот вопрос.

— Могу поклясться, что он не рассказал ей обо всем, — сказала мисс Уинтер. — Мне известно еще о двух убийствах, кроме того, которое наделало столько шума. Он говорил о ком-нибудь своим вкрадчивым голосом, потом заглядывал мне в глаза и добавлял: «Не прошло и месяца как он умер». И это была не пустая болтовня. Но я не обращала внимания — видите ли, в то время я любила

его. Что бы он ни делал, мне было все равно — точно так же, как этой бедной дуручке. Лишь одна вещь потрясла меня. Да, о Господи! Если бы не его лживый ядовитый язык, объяснявший все на свете, я ушла бы от него в ту же ночь. Это была его книжка — в коричневой кожаной обложке с замочком и золотым обрезом. Думаю, в тот вечер он был слегка пьян, иначе не показал бы ее мне.

— Что это за книжка?

— Говорю вам, мистер Холмс, этот человек коллекционирует женщин, как другие коллекционируют бабочек или мотыльков. Он держал все сведения о своих жертвах в этой книжке. Моментальные фотографии, имена, подробности и так далее. Это была отвратительная книга; ни один человек, даже если бы он выбрался из сточной канавы, не смог бы составить такую. Но Адельберт Грюнер смог. Ее следовало бы назвать «Души, которые я погубил», если бы он захотел дать ей название. Но все впустую, потому что эта книжка не поможет вам, а если бы и помогла, вы не сможете достать ее.

— Где же она?

— Откуда мне знать, где она теперь? Прошло уже больше года с тех пор, как мы расстались. Тогда я знала, где он ее держит. Он по-своему скрупулезен и аккуратен, поэтому может быть, что она по-прежнему лежит в отделении для бумаг его старого письменного стола во внутреннем кабинете. Вы были у него дома?

— Я был в кабинете, — сказал Холмс.

— Вот как? Если вы приступили к работе только сегодня утром, то вас не назовешь медлительным. Может быть, дорогой Адельберт наконец встретился с достойным противником. Он принимал вас в большом кабинете, где в большом застекленном буфете между окнами стоит китайская посуда. За его рабочим столом есть дверь, которая ведет во внутренний кабинет, где он хранит бумаги и другие вещи.

— Он не боится грабителей?

— Адельберт не трус. Даже его злейший враг не смог бы сказать о нем такое. Он может постоять за себя. Ночью работает сигнализация, а кроме того, что там есть для взломщиков, если только они не смогут унести всю эту чудную посуду?

— Нет смысла, — решительным тоном знатока вставил Шиннелл. — Никакой скупщик краденого не позарится на товар, который нельзя быстро продать или переплавить.

— Совершенно верно, — ответил Холмс. — Итак, мисс Уинтер, если вы придете сюда завтра в пять вечера, я смогу рассмотреть ваше предложение о личной встрече с этой девушкой. Чрезвычайно признателен вам за содействие, не говоря о том, что мои клиенты смогут щедро...

— Не нужно, мистер Холмс! — воскликнула молодая женщина. — Я здесь не ради денег. Дайте мне увидеть, как он барахтается в грязи, и я получу достойную награду за мои труды — да, пусть он валяется в грязи, и я наступлю каблуком на его проклятое лицо! Вот моя цена. Я буду с вами завтра и в любой другой день, пока вы идете по его следам. Толстяк скажет, где меня можно найти.

Я не виделся с Холмсом до следующего вечера, когда мы снова поужинали в ресторане на Стрэнде. Он пожал плечами, когда я спросил, насколько успешной была беседа с мисс де Мервиль. Его рассказ, который приведен ниже, был изложен в жесткой и сухой манере, которую пришлось несколько смягчить для большего правдоподобия.

— Мне не составило труда договориться о встрече, — сказал Холмс. — Эта девушка упивается своей ролью послушной дочери во всех незначительных делах, чтобы оправдать главное прегрешение и выйти замуж. Генерал позвонил и сказал, что все готово, пламенная мисс У. пришла вовремя, и в половине пятого мы вышли из кеба возле дома 104 на Беркли-сквер, где живет старый вояка. Это один из тех мрачных лондонских замков, по сравнению с которыми даже церковь выглядит легкомысленно. Лакей проводил нас в большую гостиную с желтыми портъерами, где ожидала дама — сдержанная, бледная, серьезная и такая же непоколебимая и далекая, как снежная шапка на горной вершине. Даже не знаю, как мне описать ее, Уотсон. Возможно, вы встретитесь с ней до того, как с этим делом будет покончено, и тогда сможете воспользоваться своим даром красноречия. Она прекрасна, но это эфирная, неземная красота фанатика, чьи мысли сосредоточены на достижении высшей цели. Я видел такие лица на картинах средневековых художников. Не представляю, как этот негодяй мог наложить свои грязные лапы на подобное существо. Возможно, вы замечали, что противоположности притягиваются друг к другу — духовное начало к животному, пещерный человек к ангелу. Я не могу представить лучшего примера.

Разумеется, она знала цель нашего визита: этот злодей не терял времени и успел настроить ее против нас. Думаю, появление мисс

Уинтер было неожиданностью для нее, но она указала нам на стулья жестом почтенной аббатисы, принимающей двух прокаженных попрошаек. Дорогой Уотсон, если вы склонны к высокомерию, я рекомендую вам пройти курс встреч с мисс Вайолет де Мервиль.

«Итак, сэр, ваше имя мне знакомо, — произнесла она таким же ледяным тоном, как ветерок с айсберга. — Насколько я понимаю, вы пришли с целью оклеветать моего жениха, барона Грюнера. Я согласилась на эту встречу лишь по просьбе моего отца и заранее предупреждаю вас, что любые ваши слова не произведут на меня ни малейшего впечатления».

Мне было жаль ее, Уотсон. В тот момент я думал о ней так же, как мог бы думать о собственной дочери. Я не склонен к красноречию; обычно я руководствуюсь своей головой, а не сердцем. Но я искренне обратился к ней с самыми теплыми словами, какие только смог найти. Я описал ей ужасное положение женщины, которая узнает подлинный облик мужчины лишь после того, как становится его женой, — женщины, которая вынуждена терпеть ласки обгаренных кровью рук и поцелуи развратных губ. Я не пощадил ее и рассказал обо всем: о стыде, страхе, отчаянии и безнадежности. Но мои пылкие слова даже не заставили порозоветь ее щеки, словно вырезанные из слоновой кости, и не вызвали даже искры чувства в ее отрешенном взгляде. Я вспомнил, что говорил этот мерзавец о постгипнотической суггестии. Поистине казалось, что она пребывает высоко над землей в каком-то экстатическом сновидении. Однако в ее ответе не было ничего неопределенного.

«Я терпеливо выслушала вас, мистер Холмс, — сказала она. — Как я и ожидала, ваши слова не произвели на меня ни малейшего впечатления. Я знаю, что мой жених Адельберт вел бурную жизнь и навлек на себя жгучую ненависть и самую несправедливую клевету. Вы лишь последний из многих людей, которые пытаются очернить его передо мной. Возможно, вы руководствуетесь лучшими побуждениями, хотя мне известно, что вы наемный сыщик, который в равной мере готов защищать интересы барона или действовать против него. Я хочу, чтобы вы раз и навсегда поняли: я люблю его, он любит меня, а мнение всего мира для меня значит не больше, чем щебет птиц за окном. Если его благородная душа хотя бы на мгновение пала со своих высот, значит, я была послана ради того, чтобы вернуть ее на прежнее место, где ей подобает находиться».

Правда, я не понимаю... — тут она посмотрела на мою спутницу, — ...зачем вы привели с собой эту молодую даму».

Я уже собирался ответить, когда мисс Уинтер как смерч ворвалась в наш разговор. Если кто-то хотел бы увидеть столкновение льда и пламени, ему стоило бы посмотреть на этих двух женщин.

«Я скажу вам, кто я такая! — воскликнула она, вскочив со стула с перекошенным от гнева лицом. — Я его последняя любовница. Я одна из сотни женщин, которых он обольстил, использовал, погубил и вышвырнул на помойку, как он поступит и с вами. Но ваша помойка скорее всего окажется могилой, и, может быть, это к лучшему. Говорю вам, глупышка, если вы выйдете замуж за этого человека, он приведет вас к гибели. Это может быть разбитое сердце или сломанная шея, но он так или иначе добьется своего. Я говорю не ради любви к вам. Мне наплевать, будете ли вы живы, или умрете. Я ненавижу его, проклинаю его и хочу отомстить за то, что он сделал со мной. Но суть от этого не меняется, и вам не нужно так смотреть на меня, прекрасная леди, потому что, когда все будет кончено, вы можете опуститься куда ниже, чем я».

«Предпочитаю не обсуждать такие вопросы, — холодно произнесла мисс де Мервиль. — Могу сказать, что мне известно о трех случаях, когда мой жених связался с интриганками, и я уверена в его чистосердечном раскаянии за любой вред, который он мог причинить».

«О трех случаях! — вскричала моя спутница. — Что за дура! Невообразимая дура!»

«Мистер Холмс, прошу считать нашу беседу законченной, — ледяным тоном сказала мисс де Мервиль. — Я подчинилась желанию своего отца и встретила с вами, но я не обязана выслушивать бредни этой особы».

Мисс Уинтер с проклятием рванулась вперед, и если бы я не успел схватить ее за руку, она вцепилась бы в волосы этой бесстрашной дамы. Я оттащил ее к двери; к счастью, мне удалось посадить ее в кэб без публичного скандала, поскольку она была вне себя от ярости. Моя собственная ярость была холодной, Уотсон, но не менее сильной. Было что-то неопишимо возмутительное в спокойной отрешенности и абсолютной самодостаточности той женщины, которую мы пытались спасти. Ну вот, теперь вы снова в курсе наших дел, и мне ясно, что нужно придумать новый дебютный ход, поскольку этот гамбит оказался неудачным. Я буду держать

связь с вами, Уотсон; более чем вероятно, что вы получите свою роль в этой партии, хотя возможно, что следующий ход сделают они, а не мы.

Так и случилось. Они нанесли удар — или, вернее, он нанес удар, так как я не мог поверить, что девушка была причастна к этому. Думаю, я мог бы показать вам тот камень мостовой, на котором я стоял, когда увидел плакат у газетного киоска, и леденящий ужас пронзил мне душу. Это было между «Гранд-Отелем» и вокзалом Чаринг-Кросс, где одноногий продавец разложил вечерние газеты. Прошло лишь два дня после нашего разговора с Холмсом. Страшный заголовок, набранный черным по желтому, бросился мне в глаза:

СМЕРТЕЛЬНОЕ ПОКУШЕНИЕ НА ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Думаю, несколько секунд я пребывал в полном оцепенении. Потом мне смутно помнится, как я взял газету, не обратил внимания на протесты продавца, которому забыл заплатить, и, наконец, остановился у входа в аптеку, где отыскивал роковой абзац. Вот что там было написано:

«Мы с прискорбием извещаем, что мистер Шерлок Холмс, широко известный частный сыщик, сегодня утром стал жертвой смертельного покушения, поставившего его на грань между жизнью и смертью. Точные подробности неизвестны, но, судя по всему, это случилось около двенадцати часов на Риджент-стрит, перед кафе «Ройял». На мистера Холмса напали двое мужчин, вооруженных палками, и нанесли ему ряд ударов по голове и туловищу, причинив травмы, которые врачи оценивают как очень тяжкие. Он был доставлен в больницу Чаринг-Кросс и впоследствии настоял на возвращении в свою квартиру на Бейкер-стрит. Напавшие на него злоумышленники были респектабельно одеты и сбежали от невольных свидетелей происшествия через кафе «Ройял» на Гласхаус-стрит. Без сомнения, они принадлежат к тому преступному сообществу, которому так часто причиняла ущерб проницательность и активная деятельность потерпевшего.»

Не стоит и говорить, что, бегло просмотрев заметку, я сразу же вскочил в проезжавший экипаж и поехал на Бейкер-стрит.

В прихожей я обнаружил сэра Лесли Оукшота, прославленного хирурга, чья карета стояла у входа.

— Прямой угрозы для жизни нет, — сообщил он. — Две рваных раны на голове и несколько сильных ушибов. Пришлось наложить швы. Я сделал инъекцию морфия и прописал больному полный покой, но не возражаю против короткой беседы.

Получив разрешение, я на цыпочках вошел в полутемную комнату. Пострадавший не спал, и я услышал, как он произнес мое имя хриплым шепотом. Шторы были опущены на три четверти, но один луч солнца проникал внутрь и освещал забинтованную голову Холмса. На белой повязке расплывалось алое пятно. Я сел рядом с ним и наклонил голову.

— Все в порядке, Уотсон, — пробормотал он очень слабым голосом. — Не нужно напускать на себя такой испуганный вид. Это не так плохо, как кажется.

— Слава богу!

— Как вам известно, я немного разбираюсь в фехтовании на палках. Мне удалось заблокировать большинство ударов. Проблема в том, что нападавших было двое.

— Что я могу сделать, Холмс? Разумеется, этот проклятый субъект натравил их на вас. Если вы скажете, я готов отправиться к нему и спустить с него шкуру.

— Добрый старина Уотсон! Нет, мы ничего не можем сделать, если только полиция не изловит этих людей. Но их путь к отступлению был хорошо подготовлен, тут ничего не скажешь. Но погодите минутку... у меня есть план. Первым делом нужно преувеличить тяжесть моих ранений. К вам обратятся за известиями о состоянии моего здоровья. Не стесняйтесь сгущать краски, Уотсон. Мне повезет, если я доживу до конца недели: сотрясение мозга, горячечный бред — выдумайте что угодно! Здесь вы не сможете переборщить.

— А как же сэр Лесли Оукшот?

— Тут все будет в порядке. Он увидит меня с худшей стороны; я позабочусь об этом.

— Что-нибудь еще?

— Да. Скажите Шинуэллу Джонсону, чтобы он спрятал ту девушку в надежном месте. Эти красавцы теперь будут охотиться на нее. Разумеется, они знают, что она выступила на моей стороне. Если они посмели сделать такое со мной, то вряд ли оставят ее без внимания. Это нужно сделать срочно, сегодня вечером.

— Сейчас же займусь. Что еще?

— Положите на столик мою трубку и туфлю с табаком... Отлично! Приходите каждое утро, и мы будем планировать ход нашей кампании.

В тот вечер я договорился с Шинуэллом Джонсоном, что он отвезет мисс Уинтер в тихий пригород и позаботится о том, чтобы она не появлялась на виду, пока не минет опасность.

В течение шести дней у общественности сложилось впечатление, что Холмс находится на пороге смерти. Сводки о его здоровье имели удручающий вид, а в газетах публиковались статьи зловещего содержания. Регулярные визиты на Бейкер-стрит убедили меня в том, что дела совсем не так плохи. Выносливый организм Холмса и его непреклонная воля творили чудеса. Он быстро поправлялся, и у меня иногда возникало подозрение, что на самом деле он чувствует себя еще лучше, чем показывает мне. Его характеру была свойственна особая скрытность, приводившая к многим драматическим последствиям, но заставлявшая даже его лучшего друга строить догадки о том, каковы его истинные намерения. Он доводил до крайности аксиому о том, что надежный план может составить лишь тот, кто планирует в одиночку. Я был ближе к нему, чем кто-либо другой, однако всегда сознавал, какая пропасть отделяет нас друг от друга.

На седьмой день швы сняли, хотя в вечерних газетах появились сообщения о рожистом воспалении. В тех же газетах появилось объявление, которое я счел необходимым довести до сведения моего друга независимо от его состояния. Оно гласило, что среди пассажиров судна «Руритания», принадлежавшего компании «Кунард» и отплывавшего из Ливерпуля в пятницу, числится барон Адельберт Грюнер, которому предстояло уладить важные финансовые дела в Соединенных Штатах до предстоящей свадьбы с мисс Вайолет де Мервиль, единственной дочерью... и т. д. Холмс выслушал эту новость с выражением холодной сосредоточенности на бледном лице, из чего я заключил, что она стала тяжким ударом для него.

— В пятницу! — воскликнул он. — Осталось всего лишь три дня. Думаю, этот мошенник решил ускользнуть от опасности. Но это ему не удастся, Уотсон! Не удастся, черт побери! Теперь, Уотсон, я хочу, чтобы вы кое-что сделали для меня.

— Я к вашим услугам, Холмс.

— Тогда посвятите следующие сутки вдумчивому изучению китайской керамики.

Он не дал никаких объяснений, и я не стал ничего спрашивать. За долгие годы я усвоил такую добродетель, как послушание. Но когда я расстался с Холмсом, то пошел по Бейкер-стрит, ломая голову над тем, как лучше выполнить его странное распоряжение. Наконец я доехал до Лондонской библиотеки на Сент-Джеймс-сквер, где изложил дело моему другу Ломаксу, помощнику библиотекаря, и вскоре отправился домой с увесистым томом под мышкой.

Говорят, что адвокат, который перелопачивает горы документов, чтобы по всем правилам провести допрос свидетеля-эксперта в понедельник, к субботе благополучно забывает вызубренные сведения. Конечно, я не собирался делать вид, будто являюсь знатоком керамики. Однако весь вечер и всю ночь, с коротким перерывом на отдых, а также все следующее утро я прилежно поглощал знания и запоминал имена. Так я узнал о клеймах великих мастеров и художников, о печатях Хун-у, красонах Юнлу, сочинениях Тан-инь и вершинах «примитивного периода» эпох Сун и Юань. Явившись к Холмсу вечером, я был полностью заряжен этой информацией. Теперь он уже вставал с постели, хотя об этом нельзя было догадаться по газетным сообщениям, и сейчас устроился в своем любимом кресле, положив забинтованную голову на закинутую руку.

— Ну что же, Холмс, — сказал я. — Если верить газетам, то вы умираете.

— Я старался произвести именно такое впечатление, — ответил он. — Итак, Уотсон, вы выучили свой урок?

— По крайней мере, я попытался.

— Хорошо. Вы сможете поддержать вдумчивый разговор на эту тему?

— Думаю, что смогу.

— Тогда передайте мне вон ту коробочку, что стоит на каминной полке.

Он открыл крышку и достал небольшой предмет, тщательно обернутый тонким восточным шелком. Развернув ткань, он извлек изящное маленькое блюдце прелестного темно-синего цвета.

— С ним нужно обращаться осторожно, Уотсон. Это настоящий тонкий фарфор династии Мин. На аукционе «Кристи» не продавалось ничего, что могло бы сравниться с ним. Полный сервиз стоит огромных денег — впрочем, я сомневаюсь, что такой сервиз существует где-либо, кроме императорского

дворца в Пекине. Один лишь вид этой вещи способен довести до иступления любого настоящего ценителя.

— Что я должен сделать с ней?

Холмс вручил мне визитную карточку с надписью «Д-р Хилл Бартон, Хаф-Мун-стрит, 369».

— Это ваше имя на сегодняшний вечер, Уотсон. Вы отправитесь к барону Грюнеру. Я кое-что знаю о его привычках, и в половине девятого у него, скорее всего, не будет срочных дел. Он будет заранее извещен о вашем намерении встретиться с ним, и вы скажете, что привезете ему образец из совершенно уникального фарфорового сервиза династии Мин. Вы можете представиться как врач, поскольку тогда вам не придется разыгрывать из себя кого-то еще. Вы коллекционер, которому выпала удача приобрести сервиз; вы слышали, что барон интересуется этой покупкой, и не прочь уступить ему свою находку за разумную цену.

— Какую цену?

— Хороший вопрос, Уотсон. Вы определенно сядете в лужу, если не будете знать цену собственного товара. Это блюдце попало ко мне через сэра Джеймса; насколько я понимаю, оно взято из коллекции его клиента. Вы не преувеличите, если скажете, что равное ему по ценности едва ли сыщется во всем мире.

— Я бы мог предложить, чтобы оценку сервиза произвели специалисты.

— Превосходно, Уотсон! Сегодня вы просто сыплете оригинальными идеями. Предложите экспертов аукционного дома «Кристи» или «Сотби». Ваша тактичность мешает вам самостоятельно назначить цену.

— А что, если он не захочет встретиться со мной?

— Не беспокойтесь, он захочет. Он страдает манией коллекционирования в самой острой форме, и особенно по тому предмету, где он считается общепризнанным знатоком. Садитесь, Уотсон, я продиктую письмо. В ответе нет необходимости. Вы просто известите его о предстоящем визите и объясните причину.

Это был замечательный документ — краткий, учтивый и возбуждающий любопытство у ценителя прекрасного. Холмс сразу же отправил его по адресу через посыльного. В тот же вечер, с драгоценным блюдцем в руке и визитной карточкой доктора Хилла Бартона в кармане, я отправился навстречу собственному приключению.

Красивый особняк и живописный двор свидетельствовали о том, что барон Грюнер, как и говорил сэр Джеймс, был весьма состоятельным человеком. Длинная подъездная аллея с купами редких кустарников по обе стороны выходила на большую, посыпанную гравием площадку, обставленную статуями. Особняк был построен южноафриканским «золотым королем» во времена большого бума; длинный, низкий дом с башенками на углах представлял собой архитектурный кошмар, но впечатлял своими размерами и основательностью. Дворецкий, который мог бы украсить своим видом коллегия кардиналов, пригласил меня в дом и препоручил облаченному в бархат лакею, который проводил меня к барону. Он стоял перед большим открытым буфетом, расположенным между окнами, в котором хранилась часть его китайской коллекции. Когда я вошел, он повернулся ко мне, держа в руке коричневую вазочку.

— Прошу садиться, доктор, — произнес он. — Я тут рассматривал собственные сокровища и обдумывал, могу ли позволить себе новое приобретение. Возможно, вас заинтересует эта безделушка династии Тан, датируемая седьмым веком. Уверен, вы никогда не видели более тонкой работы и замечательной глазури. Вы принесли блюдце династии Мин, о котором писали мне?

Я бережно распаковал блюдце и передал ему. Он уселся за столом, придвинул лампу, потому что на улице темнело, и принялся изучать хрупкую вещицу. При этом желтый свет лампы падал на его лицо, и у меня была возможность хорошо рассмотреть его. Он, несомненно, был очень привлекательным мужчиной, вполне заслуживавшим свою репутацию европейского красавца. Его рост не превышал среднего, но он был ладно скроен и двигался с непринужденной грацией. Его лицо было смуглым, почти восточным, с большими, томными черными глазами, которые могли производить неотразимое впечатление на женщин. Его волосы были черны как вороново крыло, а тонкие острые усики были тщательно навощены. Черты его лица были симметричными и приятными, если не считать прямого рта с узкими губами. Если я когда-либо видел рот убийцы, этот был лучшим примером — жесткий разрез на лице, страшный, неумолимый и беспощадный. Он зря не прятал его за усами, потому что это был сигнал опасности, которым природа предупреждала его жертв. Его голос звучал любезно, а манеры были безупречными. На вид я бы дал ему немногим более тридцати лет, хотя впоследствии выяснилось, что ему было сорок два года.

— Прелестная вещица... в самом деле прелестная! — наконец сказал он. — И вы говорите, что у вас есть полный сервиз из шести предметов. Меня озадачивает, что я до сих пор не слышал о таких великолепных экземплярах. В Англии существует только одно блюдо такого рода, и оно, безусловно, не может появиться на рынке. Не будет ли бестактно с моей стороны, доктор Хилл Бартон, если я спрошу вас, как вы получили эту вещь?

— Разве это имеет какое-то значение? — с деланой небрежностью спросил я. — Вы видите, что оно подлинное, а что касается цены, то я согласен на экспертную оценку.

— Крайне загадочно, — сказал барон, и в его темных глазах промелькнула искра подозрения. — Когда имеешь дело с такими ценными предметами, то, естественно, хочется знать все обстоятельства сделки. Подлинность этой вещи не вызывает сомнений. Но предположим — я обязан принимать в расчет любую возможность, — предположим, впоследствии окажется, что вы не имели права продавать ее?

— Я готов дать гарантию от любых претензий подобного рода.

— Тогда, само собой, возникает вопрос, чего стоит ваша гарантия.

— На этот вопрос ответят мои банкиры.

— Допустим... Однако сама эта сделка представляется мне довольно необычной.

— Вы можете покупать или не покупать, — равнодушным тоном сказал я. — Свое первое предложение я направил вам, поскольку знаю, что вы являетесь знатоком в данной области, но мне не составит труда найти других ценителей.

— Кто сказал вам, что я знаток?

— Мне известно, что вы написали книгу о китайской керамике.

— Вы читали ее?

— Нет.

— Боже мой, мне становится все труднее хоть что-то понять! Вы коллекционер, обладающий очень редким предметом, однако вы не потрудились изучить единственную книгу, которая раскрыла бы вам подлинный смысл и ценность вашей собственности. Как вы это объясните?

— Я очень занятой человек, практикующий врач.

— Это не ответ. Если у человека есть увлечение, он находит время для любимого дела независимо от других своих занятий. В записке вы представились как ценитель восточного фарфора.

— Так и есть.

— Могу я задать несколько вопросов для проверки? Должен сказать вам, доктор, — если вы на самом деле доктор, — что этот инцидент становится все более подозрительным. Я хочу спросить вас, что вам известно об императоре Сёмму и что связывает его с сокровищницей Сёсо-ин в окрестностях Нары? Как, неужели это вас озадачивает? Тогда расскажите мне немного о династии Северная Вэй и ее месте в истории керамики.

Я вскочил со стула, изображая гнев.

— Это невыносимо, сэр! — заявил я. — Я пришел сюда оказать вам услугу, а не для того, чтобы меня экзаменовали как школьника. Возможно, мои знания по этим предметам уступают вашим, но я определенно не буду отвечать на вопросы, задаваемые столь оскорбительным тоном.

Барон пристально посмотрел на меня. Томное выражение в его глазах исчезло, и они внезапно полыхнули огнем. Между тонкими жестокими губами блеснула полоска зубов.

— Что это за игра? Вы пришли сюда шпионить. Вас послал Холмс. Я слышал, что он при смерти, и, значит, теперь он посылает своих подручных следить за мной. Вы явились в мой дом без приглашения, но, черт возьми, выйти отсюда вам будет потруднее, чем войти!

Барон встал, и я отступил назад, готовясь к нападению, потому что он был вне себя от бешенства. Возможно, он подозревал меня с самого начала, и перекрестный допрос лишь подтвердил его догадку; было ясно, что мне не стоит надеяться обмануть его. Он сунул руку в ящик стола и принялся яростно шарить там. Потом что-то отвлекло его, и он замер, напряженно прислушиваясь.

— А! — воскликнул он. — А! — и кинулся в соседнюю комнату.

Сделав два шага, я оказался возле открытой двери. Сцена внутри навсегда запечатлелась в моей памяти. Окно, выходящее в сад, было распахнуто настежь. Около него, похожий на жуткого призрака, стоял Шерлок Холмс. Его голова была обмотана окровавленными бинтами, лицо было бледным и изможденным. В следующее мгновение он бросился в окно, и я

услышал треск в лавровых кустах снаружи. С яростным воплем хозяин дома побежал вслед за ним к открытому окну.

А потом! Все произошло мгновенно, однако я ясно видел это. Рука — женская рука — высунулась из листьев, и барон тут же издал ужасный крик, который и теперь звенит у меня в ушах, когда я вспоминаю о нем. Он прижал ладони к лицу и заметался по комнате, ударяясь головой об стены. Потом он упал на ковер и стал корчиться и извиваться, а его крики эхом отдавались по всему дому.

— Воды! Ради бога, воды! — простонал он.

Я взял графин с приставного столика и поспешил ему на помощь. Одновременно с этим дворецкий и несколько слуг вбежали в комнату из коридора. Помню, что один из них упал в обморок, когда я опустился на колени возле пострадавшего и повернул его страшное лицо к свету настольной лампы. Серная кислота буквально въелась в него и капала с ушей и подбородка. Один глаз уже стал белым и остекленевшим, другой покраснел и воспалился. Черты, которыми я восхищался лишь несколько минут назад, теперь напоминали прекрасную картину, по которой художник провел мокрой грязной губкой. Они расплылись, обесцветились и приобрели чудовищный, нечеловеческий вид.

Я в нескольких словах описал то, что касалось нападения с кислотой. Некоторые слуги полезли в окно, другие выбежали на лужайку, но на улице было темно, и начался дождь. Тем временем злополучный барон между стонами боли проклинал свою мстительницу.

— Это была она, чертова кошка Китти Уинтер! — кричал он. — Ах, ведьма! Она еще поплатится за это! Она поплатится! Господи, я больше не могу выносить эту боль!

Я смазал его лицо маслом, наложил тампоны на открытые язвы и впрыснул ему морфий. Любые подозрения, которые он питал ко мне, развеялись после такого потрясения, и он льнул к моим рукам, как будто я был в силах оживить мертвые рыбы глаза, уставившиеся на меня. Если бы я не знал о гнусной жизни, которая стала причиной такой кошмарной перемены, то мог бы расплакаться от сочувствия к нему. Мне были отвратительны прикосновения его обожженных рук, и я испытал облегчение, когда домашний врач и прибывший следом хирург пришли мне на смену. Инспектору полиции, приехавшему одновременно с ними, я вручил свою настоящую визитную карточку. Было бы глупо и бесполезно поступить иначе, поскольку

ку в Скотленд-Ярде меня знали почти так же хорошо, как самого Холмса. Потом я покинул эту обитель ужаса и уныния и через час приехал на Бейкер-стрит.

Холмс, сидевший в своем любимом кресле, выглядел очень бледным и обессиленным. Не говоря о ранениях, даже его железные нервы не выдержали событий этого вечера, и он с содроганием выслушал мой рассказ о *преображении* барона Грюнера.

— Это плата за грехи, Уотсон... плата за грехи! — произнес он. — Рано или поздно за все приходится платить. Бог знает, что он достаточно нагрешил в своей жизни, — добавил он и взял коричневый том, лежавший на столике. — Вот книжка, о которой говорила мисс Уинтер. Если она не расстроит их брак, то все бесполезно. Но она может это сделать, Уотсон. Она должна это сделать. Ни одна уважающая себя женщина не сможет вытерпеть такое.

— Это его любовный дневник?

— Скорее, это дневник его похотливых утех. Называйте, как хотите. Как только мисс Уинтер рассказала нам об этом дневнике, я понял, каким мощным оружием он может стать, если мы доберемся до него. Тогда я не стал высказывать своих намерений, потому что женщина могла проболтаться. Но я размышлял об этом. Нападение на меня дало шанс убедить барона в том, что ему больше нечего опасаться с моей стороны. Все складывалось хорошо. Я подождал бы немного дольше, но его визит в Америку заставил меня ускорить ход событий. Он никогда бы не оставил такой компрометирующий документ без личного присмотра, поэтому мы должны были действовать немедленно. Проникнуть в дом ночью невозможно: он предпринял меры предосторожности. Но вечером у меня появлялся шанс, если я буду уверен, что его внимание будет поглощено чем-то другим. Так на сцене появились вы с синим блюдцем. Но я не знал точного нахождения дневника, и в моем распоряжении было лишь несколько минут на поиски, так как мое время было ограничено вашим знанием китайского фарфора. Поэтому я в последний момент взял с собой девушку. Как я мог догадаться, что за маленький сверток она так тщательно прячет под плащом? Я думал, что она присоединилась ко мне только из сочувствия к моему делу, но, оказывается, у нее были свои планы.

— Он догадался, что вы послали меня.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕГО ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОКЛОН

В Сиреновой Сторожке. <i>Перевод Н. Вольпин.</i>	7
Картонная коробка. <i>Перевод В. Ашкенази</i>	37
Алое кольцо. <i>Перевод Э. Бер</i>	58
Чертежи Брюса-Партигтона. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	76
Шерлок Холмс при смерти. <i>Перевод В. Штенгеля</i>	106
Исчезновение леди Фрэнсис Карфэкс. <i>Перевод Ю. Жуковой</i>	121
Дьяволова нога. <i>Перевод А. Ильф</i>	141
Его прощальный поклон. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	164

АРХИВ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Сиятельный клиент. <i>Перевод К. Савельева</i>	183
Бледный солдат. <i>Перевод В. Бабкова</i>	209
Камень Мазарини. <i>Перевод С. Лосева</i>	229
Происшествие на вилле «Три конька». <i>Перевод С. Лосева</i>	246
Вампир в Суссексе. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	263
Три Гарридеба. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	280
Загадка Торского моста. <i>Перевод В. Бабкова</i>	298
Человек на четвереньках. <i>Перевод М. Кан</i>	323
Львиная грива. <i>Перевод В. Бабкова</i>	344
История жилички под вуалью. <i>Перевод Н. Галь</i>	363
Загадка поместья «Старый Шоскомб». <i>Перевод С. Лосева</i>	374
Москательщик на покое. <i>Перевод М. Кан</i>	391